

УДК 343.131

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА НЕЙТРАЛИЗАЦИИ
СОКРЫТИЯ ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
И ПРЕОДОЛЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАССЛЕДОВАНИЮ
И СУДЕБНОМУ РАЗБИРАТЕЛЬСТВУ

В. В. Трухачев

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 1 декабря 2014 г.

Аннотация: рассматриваются вопросы, касающиеся оптимизации уголовно-правовых средств борьбы с сокрытием преступлений и преодолением противодействия расследованию и судебному разбирательству. Предлагается критический анализ составов преступлений против правосудия, затрагивающих указанную тематику. Раскрывается содержание отдельных уголовно-правовых норм, предлагаются рекомендации по их совершенствованию.

Ключевые слова: преступления против правосудия, сокрытие преступлений, противодействие расследованию и судебному разбирательству.

Abstract: in article the questions, concerning optimizations of criminally-legal means of struggle against concealment of crimes and by overcoming of counteraction to investigation and proceeding are considered. The critical analysis of structures of crimes against the justice, mentioning the specified subjects is offered. The content of-rules of law separate criminally-legal means and recommendations on their perfection are offered.

Key words: crimes against the justice, concealment of crimes, counteraction to investigation and proceeding.

В системе правовых средств, направленных на предупреждение и нейтрализацию сокрытия преступлений и противодействие расследованию уголовных дел и судебному разбирательству, особая роль принадлежит нормам, закрепленным в Уголовном кодексе РФ. Именно указанные нормы придают всей совокупности мер, направленных на борьбу с противодействием с указанными направлениями уголовно-процессуальной деятельности органов расследования и суда, системный и обязательный характер¹.

При этом следует отметить тесную взаимосвязь и взаимообусловленность норм уголовного законодательства РФ и норм уголовно-процессуального законодательства РФ, имеющих целевую направленность на предупреждение и нейтрализацию указанных видов противодействия. Можно говорить о том, что нормы уголовного законодательства в данной

¹ Подробнее о роли и значении норм уголовного права для предупреждения и нейтрализации противодействия расследованию и судебному разбирательству преступлений см.: Трухачев В. В. Криминалистический анализ сокрытия преступной деятельности. Воронеж, 2000. С. 28–42.

сфере выступают не только как форма превенции противодействия расследованию и судебному разбирательству, но и как форма обеспечения эффективности и результативности уголовно-процессуальных средств обеспечения, предупреждения и нейтрализации такого противодействия. Думается, наиболее ярко эта целевая направленность норм уголовно-процессуального права проявляется при анализе ст. 311 Уголовного кодекса РФ и ч. 3 ст. 11 Уголовно-процессуального кодекса РФ, а также конкретизирующих данное законоположение норм УПК РФ, раскрывающих сущность принципа «охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном процессе».

В положениях УПК РФ речь идет о мерах безопасности, применяемых в отношении участников уголовного судопроизводства при наличии достаточных данных о том, что участникам уголовного судопроизводства и их близким угрожают противоправными деяниями. Несмотря на необходимость совершенствования и дальнейшего развития указанных норм, они являются серьезным фактором, позволяющим сдерживать противодействие расследованию и судебному разбирательству со стороны субъектов преступной деятельности и их окружения².

Статья 311 УК РФ выступает как норма, гарантирующая и обеспечивающая эффективность и результативность указанных положений уголовно-процессуального закона, поскольку она предусматривает уголовное наказание за разглашение сведений о мерах безопасности в отношении судьи и участников уголовного процесса.

Большинство уголовно-правовых норм, направленных на обеспечение нейтрализации сокрытия преступлений и такой его формы, как преодоление противодействия расследованию и судебному разбирательству, содержатся в главе 31 УК РФ «Преступления против правосудия». К ним относятся следующие нормы УК РФ:

- воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования (ст. 294);
- угроза или насильственные действия в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования (ст. 296);
- клевета в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава (ст. 298.1);
- принуждение к даче показаний (ст. 302);
- фальсификация доказательств (ст. 303);
- заведомо ложный донос (ст. 306);
- заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод (ст. 307);
- отказ свидетеля или потерпевшего от дачи показаний (ст. 308);
- подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу;

² См.: Трухачев В. В. Уголовно-процессуальные меры обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2013. № 1 (14). С. 278–288.

- разглашение данных предварительного расследования (ст. 310);
- разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении судьи и участников уголовного процесса (ст. 311);
- побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи (ст. 313);
- укрывательство преступлений (ст. 316).

Совокупность указанных норм, при условии их эффективного применения, в целом позволяет обеспечить нейтрализацию сокрытия преступлений и преодоление противодействия предварительному расследованию и судебному разбирательству. Тем не менее система уголовно-правовых средств, направленная на указанную нейтрализацию, содержит ряд пробелов и упущений. В связи с этим необходима ее дальнейшая оптимизация.

По нашему мнению, одним из пробелов уголовно-правовых средств, направленных на сокрытие преступлений, является отсутствие в ней нормы об ответственности за сокрытие преступлений от учета. Данное предложение неоднократно высказывалось рядом исследователей³. Предлагались различные модификации статьи УК, устанавливающей ответственность за такие деяния⁴.

Необходимость выделения в отдельной норме уголовной ответственности за сокрытие преступлений от учета обусловлено масштабностью этого правонарушения, допускаемого представителями правоохранительных органов, которые призваны являться образцом правопослушности. Как следует из доклада Генерального прокурора РФ на заседании Совета Федерации Федерального Собрания РФ, в 2013 г. органами прокуратуры выявлено свыше 158 тыс. преступлений, не получивших своевременного учета. Установлено 4 тыс. прямых отказов в приеме заявлений о преступлении в случае их нерегистрации при наличии бесспорных оснований для проверки и возбуждения уголовных дел⁵.

При этом следует иметь в виду и законодательный опыт зарубежных стран в сфере борьбы с сокрытием преступлений и противодействием расследованию и судебному разбирательству. Так, Уголовный кодекс Республики Узбекистан предусматривает уголовную ответственность за сокрытие преступлений от учета, а уголовный закон Республики Узбекистан содержит ст. 241.1 «Умышленное сокрытие преступлений от учета».

В соответствии с диспозицией данной статьи уголовное наказание влечет умышленное укрытие преступления от учета, совершенное должностным лицом, в служебные обязанности которого входит прием, регистрация или рассмотрение заявлений, сообщений и иных сведений о пре-

³ См.: Синельщиков Ю. Фальшивое благополучие // Соц. законность. 1998. № 3. С. 2; Трухачев В. В. Криминалистический анализ сокрытия преступной деятельности. Воронеж, 2000. С. 41.

⁴ См.: Акутаев Р. М., Шахаев Ю. А. Совершенствование регистрации и учета преступлений // Законность. 2012. № 12.

⁵ См.: Доклад Генерального прокурора РФ 29 апреля 2014 г. на заседании Совета Федерации Федерального Собрания РФ. URL: <http://genproc.gov.ru>

ступлениях. Наказание за указанный вид должностных преступлений предусматривает лишение свободы до пяти лет.

В УК Республики Казахстан содержится также отдельная норма, предусматривающая уголовную ответственность за должностное укрытие преступлений от учета (ст. 363.1). Уголовно наказуемым является умышленное укрытие преступления небольшой или средней тяжести от регистрации, совершенное должностным лицом органа уголовного преследования путем обмана, уговора, угрозы или иных неправомерных действий в отношении лица, обратившегося с заявлением или сообщением о достоверно готовящемся или совершенном преступлении, либо путем уничтожения или сокрытия иным способом обращения указанного лица. В данной норме предусмотрены также квалифицирующие признаки, к которым отнесены следующие:

- действия должностных лиц, повлекшие укрытие тяжкого преступления;
- укрытие, совершенное группой лиц, а также группой лиц по предварительному сговору;
- укрытие особо тяжкого преступления;
- укрытие, совершенное должностным лицом, занимающим ответственную государственную должность либо по его указанию.

В литературе высказано предложение о закреплении в отдельной норме УК РФ, а именно в ст. 300, уголовной ответственности за незаконный отказ в регистрации преступления, возбуждении уголовного дела либо незаконное освобождение от уголовной ответственности. При этом обоснованно предлагается закрепить в указанной норме, что незаконные отказ в регистрации преступления и возбуждении уголовного дела должны быть заведомыми⁶.

Отметим, что в 2013 г. органами прокуратуры было отменено более 2,5 млн незаконных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела⁷. Лишь определенная часть из этих постановлений после соответствующей проверки может быть отнесена к числу заведомо незаконных.

Вместе с тем принципиально важным, по нашему мнению, является то обстоятельство, что сокрытие преступлений от учета осуществляется не только путем отказа в регистрации сообщения, заявления о преступлении. Незаконный отказ в возбуждении уголовного дела является лишь одной из форм такого вида противоправной деятельности, как сокрытие преступлений.

В практике работы органов расследования нередко встречаются случаи, когда работники оперативных служб и следователи скрывают информацию о преступлениях, полученную ими помимо заявлений и сообщений о преступлениях, обратившихся к ним граждан. Нередко информацию о достоверно совершенном преступлении и причастности

⁶ См.: *Акутаев Р. М., Шахаев Ю. А.* Совершенствование регистрации и учета преступлений // *Законность.* 2012. № 12.

⁷ Доклад Генерального прокурора РФ 29 апреля 2014 г. на заседании Совета Федерации Федерального Собрания РФ. URL: <http://genproc.gov.ru>

к ним определенных лиц они получают в ходе личного восприятия; по результатам проведения осмотров мест происшествий, обысков и иных следственных действий; путем получения оперативно-розыскной информации. Например, работники оперативных подразделений и следователи скрывают такую информацию, заключая незаконные сделки с заподозренными лицами. При этом они обещают не привлекать субъекта, заподозренного в совершении преступлений, к уголовной ответственности за те или иные преступления и скрыть информацию об этих преступлениях, если он будет выступать «информатором» органов расследования и др. В случае обнаружения таких фактов должностные лица правоохранительных органов часто ссылаются на интересы «правосудия».

На наш взгляд, сокрытие преступлений должностными лицами правоохранительных органов не может быть оправдано никакими ссылками, в том числе ссылками на «интересы правосудия». Интересы правосудия требуют того, чтобы информация о каждом преступлении, ставшая известной должностным лицам правоохранительных органов, была надлежащим образом официально зарегистрирована, проверена и ей дана надлежащая официальная оценка.

В связи с этим предлагаем следующую формулировку нормы, предусматривающей ответственность за сокрытие преступлений должностными лицами работников правоохранительных органов: «Заведомое сокрытие от учета должностными лицами правоохранительных органов информации о достоверно готовящемся или совершенном преступлении».

В данной норме необходимо предусмотреть уголовную ответственность за заведомое сокрытие информации о достоверно готовящемся или совершенном преступлении должностными лицами правоохранительных органов, полученной указанными лицами в ходе профессиональной деятельности.

В качестве квалифицирующих признаков предлагаемого состава необходимо закрепить сокрытие такой информации о тяжких либо особо тяжких преступлениях.

Отметим также, что аргументом в пользу закрепления в уголовном законе отдельной нормы, предусматривающей ответственность за заведомое сокрытие преступлений от учета, независимо от мотивации содеянного, является трудность установления мотивации данного преступления, которая должна быть доказана в ходе расследования преступлений, предусмотренных ст. 285 УК РФ «Злоупотребление должностными полномочиями». В настоящее время действия должностных лиц, направленные на сокрытие преступлений от учета, в большинстве случаев квалифицируются по данной норме. Однако при квалификации указанных действий по данной норме необходимо доказать наличие в действиях субъекта преступления корыстной либо иной личной заинтересованности. Как отмечалось ранее, не всегда указанные действия обуславливаются именно этими мотивами. Если установление корыстных побуждений является достаточно конкретной и определенной задачей для следователей и прокуроров, то установление иной личной заинтересованности

вызывает определенные затруднения ввиду неоднозначности трактовки указанного мотива. Нередко субъекты сокрытия преступлений от учета объясняют свои действия необходимостью защиты интересов государства, правосудия, но не личной заинтересованностью.

Анализируя нормы Уголовного кодекса РФ, направленные на борьбу с сокрытием преступной деятельности и преодолением противодействия расследованию и судебному разбирательству, заслуживают внимания положения ст. 303 УК РФ «Фальсификация доказательств» и дополнения, внесенные в указанную норму Федеральным законом от 29 ноября 2012 г. Необходимость указанной нормы не вызывает сомнений, так как фальсификация доказательств лицами, осуществляющими уголовное судопроизводство, относится к числу распространенных форм деятельности, направленной на сокрытие преступлений.

Однако анализ положений ст. 303 УК РФ приводит к выводу о том, что она не свободна от недостатков и упущений. В частности, к субъектам фальсификации доказательств по уголовному делу отнесены лица, производящие дознание, следователи, прокуроры и защитники. Думается, из данного перечня необоснованно «выпали» судьи и секретари судебных заседаний, которые также имеют возможность осуществлять фальсификацию доказательств по уголовному делу. В ходе судебного разбирательства и по его итогам именно судьи и секретари судебных заседаний формируют доказательства и могут являться «полноценными» субъектами фальсификации доказательств по уголовному делу.

Дискуссии по поводу субъектов фальсификации доказательств скорее являются обоснованными, когда речь идет о защитниках. Как следует из содержания ст. 74 УПК РФ доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном УПК РФ, устанавливают наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу. Из приведенного текста ст. 74 УПК РФ видно, что защитник не включен в число участников уголовного судопроизводства, формирующего доказательства.

Рассматривая внесенное дополнение в ст. 334 УПК РФ, а именно ч. 4, предусматривающую ответственность за фальсификацию результатов оперативно-розыскной деятельности лицом, уполномоченным на проведение оперативно-розыскных мероприятий, в целях уголовного преследования лица, заведомо непричастного к совершению преступления, либо в целях причинения вреда чести, достоинству и деловой репутации, отметим следующие обстоятельства. Обоснованность введения данной нормы, на наш взгляд, сомнений не вызывает. В практике работы оперативных подразделений случаи фальсификации результатов оперативно-розыскной деятельности имеют место, что предопределяет необходимость уголовно-правового реагирования на эти случаи.

В то же время отметим не оптимальность названия рассматриваемой нормы в связи с введениями указанного дополнения, а необоснованность закрепления исчерпывающего перечня целей при фальсификации

результатов оперативно-розыскной деятельности. Поскольку в ч. 4 рассматриваемой нормы используется термин «фальсификация результатов оперативно-розыскной деятельности», то в наименовании нормы должен быть также использован данный термин. В действующей редакции наименование указанной нормы не полностью отражает ее содержание. Не все результаты оперативно-розыскной деятельности можно рассматривать как доказательства. В ст. 89 УПК РФ содержится прямой запрет на использование в процессе доказывания результатов оперативно-розыскной деятельности, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам, установленным УПК РФ.

Сомнение вызывает и закрепление в рассматриваемой статье исчерпывающего перечня целей, при наличии которых фальсификация оперативно-розыскной деятельности подпадает под ст. 303 УК РФ. Думается, уголовно наказуемой должна являться фальсификация результатов оперативно-розыскной деятельности, имеющая не только цели уголовного преследования лица, заведомо непричастного к совершению преступления, либо цель причинения вреда чести, достоинству и деловой репутации. Не меньшую общественную опасность представляет собой фальсификация результатов оперативно-розыскной деятельности, которая направлена на сокрытие преступлений от учета, на незаконное освобождение от уголовной ответственности определенных субъектов. К числу данных субъектов относятся не только лица, официально признанные подозреваемыми или обвиняемыми в совершении преступления, но и так называемые заподозренные лица, попавшие в «поле зрения» правоохранительных органов в ходе осуществления расследования по уголовному делу.

Более существенным пробелом, на наш взгляд, является распространение уголовной ответственности за заведомо ложные показания в соответствии со ст. 307 УК РФ лишь на свидетелей, потерпевших, экспертов и специалистов. Интересы правосудия требуют того, чтобы уголовная ответственность была введена не только за ложные показания, данные теми или иными носителями криминалистически значимой информации, имеющими официальный статус свидетеля, потерпевшего, но и за ложные показания потенциальных свидетелей и потерпевших, которые дают эти показания, фиксируемые в объяснениях, в ходе последственных проверок. Отсутствие такой ответственности приводит к ряду следующих негативных последствий:

– Потенциальные свидетели, потерпевшие, особенно если они имеют определенные познания в области юриспруденции или пользуются помощью квалифицированных адвокатов, знают об отсутствии уголовной ответственности за показания, данные ими до возбуждения уголовного дела. Это обстоятельство, а именно отсутствие дисциплинирующего воздействия в виде запрета уголовно-правовой нормы, позволяет им с начала уголовного судопроизводства руководствоваться исключительно личными интересами, так или иначе исказить сообщаемую в объяснениях информацию, не опасаясь ответственности.

– Отсутствие уголовной ответственности за ложные показания субъектов уголовного судопроизводства, не имеющих процессуального статуса, способствует возникновению у них уверенности в безнаказанности произвольного изменения ими своих показаний на последующих этапах уголовного судопроизводства. Это обстоятельство существенно затрудняет расследование и судебное разбирательство уголовных дел, облегчает как законное противодействие уголовному преследованию, осуществляемое адвокатами-защитниками, так и противодействие уголовному преследованию, влекущее уголовную ответственность.

Аналогичный недостаток присущ и редакции ст. 308 УК РФ «Отказ свидетеля или потерпевшего от дачи показаний». Работники оперативных и следственных органов знают, насколько важной для успешного раскрытия и расследования преступлений является информация, полученная в условиях исходной следственной ситуации. В данном случае можно говорить о разбалансированности норм уголовно-процессуального и уголовного закона⁸. Уголовно-процессуальный закон строго разграничивает участников уголовного судопроизводства, не имеющих процессуального статуса, и тех, которые приобретают его после принятия соответствующих процессуальных решений и вынесения соответствующих процессуальных документов (вызова и допроса в качестве свидетеля, признания потерпевшим).

Существенным пробелом уголовного законодательства, на наш взгляд, является сужение круга потерпевших от принуждения к даче показаний (ст. 302 УК РФ) и подкупа или принуждения к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу (ст. 309 УК РФ). Как и в рассмотренных ранее ст. 307–308 УК РФ, преступлением против правосудия считаются деяния, совершенные свидетелем, потерпевшим, экспертом, специалистом, т.е. лицами, имеющими процессуальный статус указанных участников уголовного судопроизводства.

Предложения ряда авторов о необходимости закрепления в главе 31 УК РФ «Преступления против правосудия» уголовной ответственности за оказание преступного воздействия в отношении потенциальных свидетелей и потерпевших⁹, остаются не реализованными на протяжении длительного времени. Между тем очевидно, что усилия субъектов преступной деятельности, прежде всего членов организованных преступных групп, направлены на исключение самой возможности возбуждения уголовного дела и производства расследования их преступной деятельности. В связи с этим оказывается преступное воздействие в отношении потенциальных

⁸ О разбалансированности различных частей законодательства криминального цикла подробнее см.: *Белова Н. В., Трухачев В. В.* О тенденции «разбалансирования» Общей и Особенной частей уголовного закона // Вопросы уголовного права и криминологии. Воронеж, 2014. Вып. 9.

⁹ См.: *Минева Г. П.* Уголовно-правовая охрана свидетелей и потерпевших : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1993. С. 17–18 ; *Тихонов А. К.* Уголовно-процессуальные меры обеспечения чести, достоинства и личной безопасности потерпевшего и свидетеля : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995. С. 22.

свидетелей и потерпевших с целью недопущения их участия в уголовном судопроизводстве¹⁰.

В заключение изложим некоторые иные предложения по совершенствованию уголовно-правовых мер нейтрализации сокрытия преступлений и преодоления противодействия расследованию. На наш взгляд, оптимизации указанных средств будет способствовать реализация следующих предложений, аргументированность которых была изложена нами в предыдущих публикациях¹¹:

– В уголовном законе следует закрепить ответственность за несообщение в правоохранительные органы о фактах готовящихся или совершенных тяжких либо особо тяжких преступлений.

– Целесообразным является установление уголовной ответственности за уклонение свидетеля либо потерпевшего от дачи показаний. При этом в предлагаемой норме необходимо включить указание на то, что ответственность за подобные действия не наступает, если правоохранительными органами не приняты все возможные меры к обеспечению безопасности свидетелей и потерпевших.

– Не лишено оснований закрепление в уголовном законе нормы, предусматривающей уголовную ответственность за собирание, похищение либо хранение информации о должностных лицах следственных подразделений и оперативных служб, а также прокуроров и судей с целью воспрепятствования их профессиональной деятельности.

– Целесообразным является установление в главе 31 УК РФ «Преступления против правосудия» уголовной ответственности за похищение либо умышленное уничтожение, повреждение материалов уголовного дела, вещественных доказательств либо приложений к уголовному делу.

¹⁰ См.: Трухачев В. В. Криминалистический анализ сокрытия преступной деятельности. Воронеж, 2000. С. 32.

¹¹ См.: Там же. С. 28–42.

Воронежский государственный университет

Трухачев В. В., доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права

E-mail: v.truhachev@law.vsu.ru

Тел.: 8(473) 2208-338

Voronezh State University

Trukhachev V. V., Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Criminal Law Department

E-mail: v.truhachev@law.vsu.ru

Tel.: 8(473) 2208-338